Эмиль Коста

Полный дом

Андре Эрмите
Следствие в средневековом стиле

16+

Андре Эрмите. Следствие в средневековом стиле

Эмиль Коста

Полный дом

«Автор»

2020

Коста Э.

Полный дом / Э. Коста — «Автор», 2020 — (Андре Эрмите. Следствие в средневековом стиле)

ISBN 978-5-532-07619-8

Андре Эрмите возвращается в Сарагосу после двадцати лет странствий. Город полон воспоминаний, но насладиться ими как следует не позволят обстоятельства. Под крышей богатого особняка Рейесов, куда герой приглашен на ужин, живут сразу три поколения семьи. К сожалению, этот дом полон отнюдь не любовью; очень скоро его обитателям предстоит столкнуться с жестоким убийством и найти злодея среди своих.

ISBN 978-5-532-07619-8

© Коста Э., 2020
© Автор, 2020

Содержание

Глава первая 5
Глава вторая 10
Глава третья 16
Глава четвёртая 21
Глава пятая 25
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Эмиль Коста
Полный дом

Глава первая

Лу поднял рыжую голову от письма и встревоженно спросил:

– Старик и в жизни такое же трепло?

Стукнув винным кувшином о колоду, служившую им столом, Андре ответил слуге:

– Выбирайте выражения! Когда вы наконец научитесь проявлять почтение к тем, кто старше и опытнее?

– А когда они научатся говорить по делу? Развел же канитель на семи листах – вот послушайте!

"*…Невозможно рассказать, как я был счастлив получить Ваше письмо. Во-первых, старикам всегда приятны вести от друга: они помогают с оптимизмом смотреть в будущее и с улыбкой вспоминать о прошлом. Во-вторых, огромную радость мне доставил тот факт, что теперь Вы стали уважаемым господином и доверенным лицом нашей церкви. Признаюсь, о такой блестящей перспективе я и мечтать не мог много лет назад, когда привел в свой дом маленького сироту.*

До чего, должно быть, интересно расследовать запутанные преступления. Не уверен, впрочем, что они случаются так уж часто; по крайней мере, когда в Сарагосе происходит ночной разбой, виновного находят еще до того, как колокола Собора Спасителя прозвонят полдень. В городах люди у всех на виду: и свидетелей почти всегда хватает, и неблагонадежные личности широко известны…"

– Нормальные люди разве так пишут? А вы говорите…

Парень воспользовался возникшей паузой и тоже протянул громадную ручищу к кувшину. Вздохнув, Андре развязал тесемки, ослабив ворот рубашки. Здесь не перед кем было красоваться. Плащ со шляпой валялись на пожухшей от зноя траве, сапоги путники также сбросили, чтобы дать отдых ногам. Оба были порядком измотаны: Лу берёг Гнедого, их единственного коня, и большую часть пути пришлось прошагать рядом с повозкой пешком.

Привычный к дальним странствиям доктор переносил жару стойко, а вот слуга, возмужавший на севере Франции, без конца сетовал на здешний климат. Арагон встретил их ослепительным солнцем, звоном цикад и зеленью полей, расстилающихся до самого горизонта.

Третий день повозка двигалась по раскаленной равнине на юг. Изредка попадались деревни, в которых путники укрывались от полуденного зноя. Вот и теперь они сидели под навесом в одном из крестьянских дворов. Распряженный конь отдыхал поодаль, в тени раскидистого дерева.

Жители деревни пережидали жару в каменных домах и домишках. К вечеру они вернутся к работе, которую прервали среди дня. Таков был неторопливый и незатейливый уклад жизни в Арагоне, одинаковый для богатых и бедных, знакомый Андре с юных лет.

Привал длился второй час, но солнце стояло еще слишком высоко, чтобы продолжать путь. Чтобы не терять времени даром, доктор решил дать Лу очередной урок и за неимением лучшего приказал ему читать письмо, благодаря которому они, собственно, и отправились в это непростое путешествие. Парень начал изучать каталонский язык, едва они спустились с Пиреней, и в основном болтал со слугами. Едва ли разговоры простолюдинов касались столь сложных или возвышенных тем, какие старый аптекарь затрагивал в своем письме.

Андре понятия не имел, сколько дней или недель им предстоит провести в Арагоне, но полагал, что дополнительный язык слуге не помешает. Не стоит упускать такую возможность, пока его разум юн и податлив. Какого мнения придерживался на этот счет Лу, сказать было невозможно: под неусыпным контролем доктора он почти отучился ругаться вслух.

Парень жадно глотнул вина из глиняной кружки и тут же набил рот хлебом и сыром. Он явно не горел желанием продолжать обучение, однако наставник был неумолим. Терпеливо выждав, когда Лу прекратит жевать, он потребовал:

– Читайте дальше.

– Сил никаких уже нет, да и в горле пересыхает, – пожаловался слуга.

– Лень сгубила не одно юное дарование. Продолжайте. И выговаривайте "р" старательней, этот звук у вас удивительно хорошо получается для урожденного окситанца.

Приободренный скупой похвалой доктора, Лу вздохнул, вновь поднес к глазам письмо и продолжил:

"*… Кто бы мог знать, что несчастье постигнет меня, старого Альфонсо Манчеру, которого знал и уважал весь город. Увы, дни благоденствия позади. Я почти разорен, мой дорогой друг. Как Вам хорошо известно, накоплений Ваш покорный слуга никогда делать не умел, тратя основную долю дохода на содержание дома, благотворительность и покупку научных книг (а они день ото дня дорожают!). Немудрено, что когда поток пациентов иссяк, дела мои оказались в весьма плачевном состоянии…*

Я не стану скрывать, что никогда не хватал звезд с неба. Безусловно, медицинская наука изменчива и непостоянна, однако я всю жизнь старался следить за важными открытиями… "

Доктор лениво прислушивался к голосу слуги. Содержание письма он знал почти наизусть и следил только за произношением. Между тем парень был не так уж неправ в грубой оценке личности старого аптекаря. Альфонсо Манчера всегда отличался любовью к красноречию – и эту черту не без удовольствия перенял у наставника сам Андре. Что и говорить, хорошо подвешенный язык служит отличной рекомендацией в любом обществе, а мнение таких нетерпеливых юнцов, как Лу, мало кого интересует.

Несмотря на словоохотливость, в своем письме аптекарь тактично обошел молчанием вопрос об образовании и происхождении доктора. Он всегда отличался осторожностью как в мыслях, так и на деле: не назначал рискованного лечения, придерживался проверенных методов и рецептов. Исход болезни зависел от воли божьей – так признавал сам старик. То, что популярность Альфонсо Манчеры уменьшилась с появлением более молодых и решительных конкурентов, ничуть не удивляло Андре.

Между тем Лу продолжал чтение:

"*…Ваш покорный слуга, дорогой друг, остался не у дел.*

Мало того, что разные выскочки увели почти всех пациентов, они еще и подняли на смех мои методы лечения. Дескать, все это давно устарело и не используется за пределами Сарагосы. Да, я не считаю табак целебным растением, как теперь принято у молодых докторов… Я немало пожил на свете и хорошо помню, как первых курильщиков судила Святая Инквизиция – возможно ли, чтобы за несколько десятков лет все так изменилось?

Сейчас моих клиентов можно пересчитать по пальцам одной руки: по сути, все они относятся к дому Себастьяна Рейеса. Как бывшие соседи они сочувствуют тому положению, в каком я теперь оказался, и по мере сил стараются поддержать мою практику. Но, увы, старый отец семейства сеньор Себастьян (Вы, разумеется, помните этого доброго человека, который жил рядом) несколько месяцев назад уехал по делам в Амстердам, а его дочери слишком молоды и здоровы, чтобы часто ко мне обращаться. Правда у старшей, сеньоры Маргариты, подрастает сын, но маленький Роберто, на мое горе, не подвержен даже банальному несварению желудка. Недавно он объел половину яблок со старого дерева, растущего в соседском саду, и не поморщился. А ведь плоды еще совсем зеленые!

Отменное здоровье, несомненно, мальчик унаследовал от отца: сеньор Алехандро обратился ко мне лишь однажды, когда упал с лошади. Увы, несчастное животное зарезали, и больше ничто не угрожает его благополучию. Вы поняли, думаю, что я говорю о лошади, а не ездоке.

Что касается младшей дочери, она также пребывает в добром здравии. К сожалению, супруг сеньоры Эвы в прошлом году отбыл в Америку, поддавшись всеобщей золотой лихорадке…"

– Кто все эти люди, а? – спросил Лу, вновь прерывая чтение.

– Не берите в голову, со временем узнаете… если потребуется. И следите за ударением: если слово оканчивается на гласный, оно почти всегда падает на второй слог с конца. Особенно внимательны будьте с фамилиями, акцент вам легко простят, а вот коверканье семейного имени могут счесть за оскорбление… Продолжайте.

Парень вздохнул и, осушив еще одну кружку вина, вернулся к чтению:

"*…Я особо сожалею о его отъезде, поскольку этот доблестный муж был моим постоянным пациентом: у несчастной пары до сих пор нет наследника, хотя браку около десяти лет. В надежде на рождение сына сеньор де Карденас заказывал самые разные (порой совершенно невероятные) средства: перетертые в ступке сушеные дождевые черви, настоянные на спирту – как Вам такое?!*

Теперь, в отсутствие супруга, сеньора Эва избавлена от этого бесполезного и не всегда безопасного лечения, к счастью для нее и к несчастью для Вашего покорного слуги.

Я заработал неплохую практику за эти годы и надеялся, что обеспечил себе спокойную старость, но увы, сейчас едва перебиваюсь аптечными заказами. Вы хорошо знаете наше дело – торгуя порошками, богатств не наживешь. Тем более если твою компетентность всякую минуту ставят под сомнение.

Назначения, которые эти молодые выскочки делают пациентам, на первый взгляд выглядят очень современными и даже рискованными – но разве это характеризует их как хороших лекарей и разумных слуг науки? Готов поставить собственную шляпу на кон: если бы сеньор де Карденас попросил у одного из них червяков на спирту, ему тут же дополнительно посоветовали бы носить жабу в гульфике – для пущей уверенности в успехе!"

– А старик не промах, – одобрительно крякнул Лу.

Он вновь схватил кувшин и с сожалением убедился, что тот совсем пуст. Это открытие убило в юноше последнюю волю к учебе. Андре протянул руку и забрал у него письмо.

– Достаточно на сегодня, тем более дальше речь идет о не совсем пристойных вещах… Теперь вам понятна цель нашего путешествия?

– Ясное дело! Надо вашему приятелю пациентов добыть. Только как вы это собираетесь провернуть?

– Пока не знаю, – пожал плечами доктор.

Он сложил бумагу и убрал в дорожную сумку, засунув ее между страницами справочника целебных трав. Помимо книги там хранилось несколько склянок с целебными настойками (разумеется, только по проверенной рецептуре), мешочки и коробочки с порошками – целая небольшая аптека. Андре носил ее с собой скорее по привычке: в прошлом году он оставил медицину, которую практиковал без особого на то права, и теперь занимался исключительно расследованием преступлений. Денег это занятие приносило еще меньше, но доброе имя и уважение, которыми он теперь пользовался, куда бы ни пришел, стоили любых издержек.

Таким переменам способствовала письменная рекомендация, полученная полгода назад у кавайонского инквизитора брата Бартоломью. Этот достойный муж разглядел в авантюристе и проходимце, которым, без сомнения, был в ту пору Андре, честного человека и одаренного следователя. Бумагу доктор берег как зеницу ока, дорожа оказанным ему доверием и понимая, что второго случая кардинально изменить собственную жизнь ему уже не представится.

Расстелив плащи в тени дерева, путники улеглись и попытались уснуть, чтобы скоротать послеобеденные часы. К сегодняшнему вечеру они надеялись достигнуть столицы Арагона. Совсем скоро Андре увидит город, где прошло его детство. Разумеется, привела его сюда просьба о помощи, которую так и не озвучил в своем велеречивом письме старый аптекарь, однако сердце доктора стучало громче, чем следовало.

Сарагоса помнила Андре под другим именем, без гроша за душой, юным и безрассудным. Он возвращался уважаемым человеком, с чистой репутацией и даже кое-какими средствами. Доктор почти не сомневался, что останется неузнанным. Однако придется выдумать какую-нибудь симпатичную историю, объясняющую появление в доме аптекаря загадочного гостя с иноземцем-слугой.

"Как же прав старик! – подумал доктор, – Все слишком быстро меняется. Закат моей жизни еще не близок, но я тоже частенько чувствую, что не поспеваю за временем".

Пару часов спустя солнце стояло достаточно низко, чтобы можно было продолжать путь. Немного беспокоила темная полоса на горизонте – грозы в этих местах случались нечасто, но всегда налетали внезапно и оттого казались особенно устрашающими.

Крестьянин, приютивший путников в своем дворе, вышел из дома и с недовольством смотрел на небо. Он, казалось, раздумывал, стоит ли вообще затевать какую-то работу. Что если именно сегодня наступит Судный день и все труды пойдут прахом? Какое значение на Страшном суде будет иметь дополнительный возделанный клочок поля?

Путники нахлобучили шляпы, забросили плащи на повозку и, расплатившись с крестьянином, покинули гостеприимный двор. Не миновало и часа, как впереди показались предместья города. Северный берег реки Эбро населяли много лет назад изгнанные из Сарагосы мавры, не пожелавшие принять христианскую веру. Здесь они могли жить по собственным порядкам, вести хозяйство, торговать с проезжими купцами, но вход в город был под запретом.

Лу с любопытством разглядывал местных, хмуро провожавших глазами повозку и двух путников. Мавров он видел впервые, тем более в таком количестве и на их собственной, хоть и весьма ограниченной, территории.

– В толк не возьму: а женщин тут вообще нет? – шепотом спросил он у хозяина.

– Есть, отчего же. Просто они ведут закрытый образ жизни и не показываются на глаза посторонним мужчинам, – негромко отозвался Андре, – Собственно, прятать жен под замок и светлокожие арагонцы совсем не прочь. Разумеется, в самой Сарагосе дам хватает, самых разных, но разница между теми, кто живет на северном и южном берегах Эбро – лишь в цвете кожи и религиозных обрядах.

– Вон что…

– Вы только об этом не поминайте в городе, – на всякий случай добавил доктор, – Вообще старайтесь больше помалкивать и слушать. Иностранцев нигде не любят. В доме сеньора Манчеры мы будем в безопасности, но на улицах следует держать ухо востро.

– Почему?

– Скажем так… местное население отличается крутым нравом. В этой стране слишком много дворян, иначе говоря, высокородных бездельников с раздутым чувством собственного достоинства и несоразмерно тощими кошельками. Зарабатывать деньги собственным трудом или умом здесь считается ниже человеческого достоинства. Каждый из этих полунищих идальго пальцем о палец не ударит, чтобы изменить ситуацию. Намного чаще они промышляют грабежом на дорогах, нежели затягивают пояса.

Вскоре дома и домишки сарацинского квартала расступились, и путники вышли на берег Эбро. Река величественно несла свои воды, обагренные лучами заходящего солнца. Берега соединял большой каменный мост. Лу даже присвистнул:

– На таком, пожалуй, две повозки разъедутся спокойно – возницам даже ругаться не придется.

– С таким расчетом его и строили, – не без гордости заметил Андре. – Город расцвел, когда возвели Каменный мост: это помогло развить торговлю и экономику Сарагосы, в ту пору переживавшую нелегкие времена.

Оставив позади мост, путники вновь ступили на твердую землю и сразу оказались в центре города. На площади перед величественным собором кипела жизнь. Последние торговцы поспешно сбывали остатки товара, а самые ушлые покупатели намеренно тянули время и торговались из-за каждого апельсина. Шум стоял невообразимый.

Путники оставили повозку с Гнедым на городской конюшне, после чего отправились к дому Манчеры. Нагруженный вещами Лу ошалело вертел головой. Хозяин не соврал: женщин тут и вправду хватало, но каких! Благородных дам в предзакатный час, понятное дело, не увидишь, зато служанок и рабынь сколько угодно – с кожей всех оттенков, от черного дерева до оливкового. Мулатки и чистокровные африканки, которые то и дело встречались на улицах Сарагосы, поразили воображение юного великана, совсем недавно спустившегося с южного склона Пиренейских гор. Парня просто распирало от десятков незаданных вопросов, но, повинуясь приказу доктора, он хранил молчание.

Дома из светлого камня, обступившие улицы удивительного города, снаружи выглядели одинаковыми, но Андре уверенно шел по знакомому до последнего камня городу. Лу едва поспевал за хозяином. Наконец они остановились перед нужной дверью, над которой красовалась вывеска: "Аптека с-ра Альфонсо Манчеры".

Наплыва посетителей не наблюдалось; в вечерний час на улице было пустынно. Андре велел слуге постеречь вещи, а сам, стащив с головы запыленную шляпу, вошел внутрь.

Глава вторая

В маленькой аптеке на первый взгляд ничего не изменилось. Солнце с узкой улицы почти не заглядывало сюда даже днем, а зажигать свет приходилось задолго до наступления сумерек. Вот и сейчас помещение озарял робкий огонек масляной лампы, стоявшей на потертом прилавке. За этим прилавком в старые времена покупателей обслуживал сам хозяин или один из его учеников, но сейчас там никого не было. В заднюю часть дома, где находились кухня с маленькой лабораторией и лестница на второй этаж, вела приоткрытая дверь. Подойдя к ней, доктор неуверенно крикнул:

– Есть кто-нибудь?

– Сию минуту!

За дверью послышалась возня, а минуту спустя оттуда, семеня, вышел невысокий старик в долгополой темной одежде. В руках он держал ступку с каким-то порошком – Андре даже на расстоянии узнал терпкий запах аниса. Лицо аптекаря выражало неподдельную любезность, а глаза близоруко щурились, пытаясь рассмотреть лицо посетителя в неверном свете лампы.

– Чем могу помочь, уважаемый сеньор? Любое лекарство будет готово к завтрашнему полудню.

Доктор надвинул шляпу поглубже, наклонил голову так, что лица было вовсе не разглядеть, и прорычал страшным голосом:

– Единственное лекарство, которое может потребоваться в этой дыре, – порошок от хандры, дьявол меня раздери!

От испуга Манчера выронил ступку; та со стуком упала на пол, порошок рассыпался. Из кухни на шум выбежал чернокожий слуга с огромным ножом. Он заметно прихрамывал. Андре поспешно сбросил шляпу, открывая лицо, и старик в изумлении всплеснул руками:

– Боже милостивый! Вы, мой дорогой мальчик! Здесь, в Сарагосе, спустя столько лет… Просто глазам не верю!

Аптекарь заключил в объятия бывшего ученика. Слуга стоял в нерешительности, опустив оружие, а доктор сдавленно пробормотал:

– Я же сразу вам написал и дал слово, что приеду… Впрочем, слово такого шалопая, каким вы имели несчастье запомнить меня, наверняка немногого стоит.

– Вовсе нет! Я ни на секунду не усомнился, что увижу вас в самом скором времени. Идемте на кухню, там нам будет удобнее… Фернандо! – обратился старик к слуге, – Возьми в кладовке несколько свеч. Когда в доме дорогие гости, не дело экономить воск.

Через дверь в задней части аптеки они прошли в просторную кухню. Там тоже царил полумрак, единственная лампа горела на аптекарском столе в углу. Хозяин и гость уселись на стульях перед камином, в котором, невзирая на жару снаружи, слабо мерцал огонь. Слуга исчез в чулане под лестницей. Через мгновение он вернулся со свечами, одну за другой зажег их и расставил по комнате.

– Ну вот, теперь я могу как следует разглядеть вас, – Альфонсо с улыбкой покачал головой, – Взрослый, совсем взрослый… И какой благородный вид – я бы принял вас за настоящего идальго, если бы видел впервые. Двадцать лет прошло, просто не верится…

– Мне самому трудно поверить. Больше чем полжизни пролетело, и так незаметно.

– Годы, годы… – вздохнул старик. – Признаться, я и не чаял когда-либо получить весточку от вас, особенно после того случая в Севилье…

– Те времена давно позади, – поспешно ответил Андре. – Тогда я ступил на ложный путь и впоследствии не раз пожалел об этом.

– Несомненно! Вы всегда были честным мальчиком. Да, мой друг! В вашей груди бьется благороднейшее из сердец, невзирая на происхождение: за шесть лет, что вы провели под моей крышей, я успел это рассмотреть как следует. Пристало ли такому юноше торговать шарлатанскими снадобьями – конечно, нет! Я всегда молился, чтобы провидение вывело вас на верную дорогу, и мои молитвы были услышаны…

– Хвала небесам, – рассеянно пробормотал доктор.

Когда помещение ярко осветилось, он увидел, насколько здесь все изменилось. Полки, когда-то наполненные разными склянками и пузырьками, теперь покрывал лишь слой пыли. Больше всего гостя поразило запустение, царившее на аптекарском столе: за ним сам Андре провел сотни часов, склонившись над книгой. Теперь ученическое место выглядело заброшенным и никому не нужным.

Заметив смятение на лице гостя, аптекарь с грустной улыбкой сказал:

– Увы, друг мой, увы… Теперь вы сами можете убедиться, насколько скверно идут дела.

– Даже хуже, чем я предполагал. Неужели все эти перемены случились за последний год?

– Да, с тех пор, как дела пошли на спад, – аптекарь болезненно поморщился. – Слуг пришлось отпустить, учеников я давно не беру… Однако не будем пока о грустном. Вы наверняка устали с дороги. Сейчас Фернандо закончит с уборкой и соберет для нас стол. Мы живем скромно, но приветить гостя – святая обязанность.

Через приоткрытую дверь доктор видел, как слуга бережно собирает обратно в ступку рассыпанный аптекарем порошок. В этой ступке Андре измельчил не один мешок трав и кореньев… Сам Альфонсо в былые времена не занимался такой скучной работой, поручая ее слугам и ученикам.

Теперь же в доме, насколько можно было судить, помимо хозяина жил лишь Фернандо – скорее всего, раб, причем не самый дорогой. Лет ему было не менее сорока, ростом невысок, в плечах узок, а грубые руки явно не привыкли к кропотливому аптекарскому ремеслу. Впрочем, все перечисленные недостатки компенсировались поистине собачьей преданностью. Даже убедившись, что хозяину не грозит опасность, слуга не переставал вполглаза следить за странным гостем.

Андре вспомнил о собственном слуге и повернулся к аптекарю:

– Я приехал не один. Лу ждет снаружи с вещами. Мы не были уверены, остановимся в гостинице или…

– Какая может быть гостиница?! – возмущенно прервал его старик, – У меня наверху несколько свободных комнат. Учеников больше нет, по дому Фернандо управляется один, а он предпочитает ночевать внизу. Мы прекрасно разместимся.

Доктор окликнул Лу, и через минуту тот появился в дверях, немало изумив своими размерами аптекаря.– В каких же землях вы откопали это чудо?!

– Я понимать ваш язык, – обиженно отозвался Лу, добавив к изумлению старика изрядную долю смущения.

Доктор пояснил, что юный великан на деле почти не говорит на местном языке. Манчера ответил, что будет только рад помочь парню освоить эту науку. Он поручил Фернандо подготовить для приема гостей спальню наверху.

Тот молча кивнул и жестами позвал Лу за собой. Слуги поднялись по лестнице наверх. Пока они наводили там порядок и готовили постели, хозяин и Андре вели неспешный разговор. Доктор узнал, что за предыдущий год ни один из пациентов Манчеры – старых и новых – не умер. Бывали случаи и попроще, и посложнее, но все разрешились благополучно. Если у непопулярности аптекаря и были какие-то скрытые причины, искать их следовало не в его практике.

Через полчаса слуги спустились на кухню. Фернандо быстро собрал ужин, подал на стол бутылку вина. После молча положил на большую тарелку несколько кусков солонины и вместе

с лепешкой свежего хлеба протянул ее Лу, устроившемуся на лавке в углу. Сидеть за одним столом с господами здесь было не принято.

Фернандо подбросил в камин несколько поленьев. За разговором приятели не заметили, что воздух посвежел, а за окном быстро сгустилась темнота. Мирный вечер прервал раскат грома. Ветер ворвался в открытое окно, погасил несколько свечей и заметался по кухне, расшвыряв легкие предметы и немало напугав старого аптекаря. Слуга захлопнул ставни и бросился наводить порядок.

Беседа вернулась в прежнее русло. Снаружи бушевала непогода, стук дождя по крыше был слышен даже на первом этаже, где сидели Андре со старым аптекарем. Разыгравшаяся стихия превратила кухню в уютное убежище: в стаканах плескалось вино, пылающий в камине огонь согревал, а беседа текла рекой. Хозяин и гость так увлеклись разговором, что не сразу расслышали стук в дверь. Фернандо отправился открывать.

– Кто бы это мог быть, – с удивлением произнес Манчера, – В такой поздний час, да еще эта гроза…

– Видимо, кому-то все же требуются ваши услуги, – улыбнулся Андре.

Он встал, с удовольствием потянулся, отошел к окну и, приоткрыв ставню, вдохнул свежего воздуха. Снаружи было черным-черно; время от времени вспышка молнии освещала все вокруг, выхватывая из темноты кусок крыши и щербатую стену соседнего дома.

Вошел Фернандо и без малейшего акцента произнес:

– Сеньора де Карденас!

Сразу после этих слов в комнату вошла – нет, впорхнула! – невысокая дама. Лицо посетительницы скрывал капюшон. Под лиловым плащом на ней было платье из черного шелка, жесткий корсет которого стягивал и без того тонкую талию. Даже в этом громоздком наряде, который носили все благородные дамы Сарагосы, женщина умудрялась двигаться с легкостью и изяществом. Ее сопровождала темнокожая девушка с красивым и несколько плутоватым лицом.

Старик поднялся и поспешил гостье навстречу. Госпожа протянула плащ служанке и с явным облегчением встряхнула темными волосами, уложенными в незамысловатую прическу. Присутствия в полутемной комнате Андре она попросту не заметила: он замер у окна и лишь слегка вздрогнул, когда услышал знакомый мелодичный голос:

– Простите, сеньор Манчера, что мы так припозднились. Жара сегодня просто невыносимая, я жалела слуг и сидела дома, пока не стемнело. Заставлять их нести паланкин под палящим солнцем – просто жестоко, вы не находите?

– Безусловно, безусловно… я и сам никуда весь день не выпускал Фернандо.

– Вот именно! А едва с реки повеяло прохладой, мы тронулись в путь – и не успели двух кварталов одолеть, как грянул гром и все кругом засверкало. Хлынул такой ливень, что через секунду наша маленькая процессия промокла до нитки, а гроза только начинала бушевать. Носильщики предпочли обождать снаружи, но Изабеллу я привела в дом… У меня до сих пор сердце стучит как бешеное, – пожаловалась гостья, опускаясь на предложенный хозяином стул.

– Думаю, сейчас оно забьется еще быстрее, только от радости, – старик с лукавой улыбкой указал в сторону окна, – Надеюсь, вы не забыли приятеля по детским играм?

Женщина немедленно подобралась и выпрямила спину. Она повернула голову, приготовившись с достоинством приветствовать кого бы то ни было. Однако при виде доктора напускное спокойствие дало сбой. На лице сеньоры Рейес де Карденас отразилась неподдельное изумление.

– Ты!.. Вы… Поверить не могу: сколько же прошло лет?

– Не меньше двадцати, – Андре шагнул вперед. – Я покинул Сарагосу совсем мальчишкой.

Эва поднялась со стула и склонилась в легком реверансе. Выпрямившись, она полностью взяла эмоции под контроль. Доктор подумал, что при встрече на улице едва ли узнал бы в этой благородной даме свою прежнюю подругу – бесстрашную девчонку с рогаткой, припрятанной в кармане передника.

– С тех пор вы очень изменились, сеньор…

– Он прибыл в Сарагосу под другим именем, – поспешно сказал Манчера, – Судьба немало помотала моего воспитанника по свету – и история его настолько удивительна, что я до сих пор не могу в нее поверить.

– Вот как? – в глазах Эвы промелькнуло знакомое доктору любопытство. – С удовольствием бы послушала. И как же вас теперь зовут?

– Доктор Андре Эрмите… – никогда произнесение этого имени не давалось ему с таким трудом. – Что касается моей жизни, то, поверьте, сеньор Манчера преувеличивает. Он всегда был слишком снисходителен к вашему покорному слуге.

– Вот уж ни в коем случае, – обижено ответил старик. – Сами посудите, сеньора, разве может быть неинтересной судьба человека, который из безродного мальчика стал почтенным господином. Теперь Андре путешествует по всему миру и расследует загадочные преступления. Он на хорошем счету у нашей церкви и принят в лучших домах по обе стороны Пиреней.

– Неужели? – огонек любопытства вспыхнул в черных глазах еще ярче, – Я просто счастлива слышать, что ваши дела идут так замечательно. Но… расследование преступлений? Впервые слышу о таком занятии.

– Я и сам о нем раньше не слышал, – признался Андре, – Даже названия у моего ремесла пока нет, но ведь главное не это. Главное – добиваться справедливости во всяком деле.

– О, да. В Сарагосе с этим большие проблемы. Любое дело превращается в бесконечную тяжбу: королевский наместник говорит одно, церковь – другое, местное дворянство – третье… Признаться, мне гораздо больше нравилось быть дочерью простого купца, чем женой дворянина – по крайней мере, не нужно было вести бесконечные светские беседы и забивать голову этой дурацкой политикой, – с улыбкой добавила Эва.

– И безо всякой политики в жизни хватает несправедливости, – вздохнул аптекарь. – Собственно, доктор приехал сюда по моей просьбе. Если он не сумеет разобраться с этим делом, то мне конец.

– Так вы собираетесь помочь сеньору Манчере? Будет просто прекрасно, если удастся восстановить популярность его аптеки в Сарагосе, – Эва печально поглядела на старика. – Ума не приложу, что тут можно сделать.

– Кому же я не угодил? – горестно пробормотал аптекарь. – Всегда старался быть учтивым, не рисковал без нужды, да и вообще не рисковал. Вы знаете меня, дорогой друг: безопасность – на первом месте. Я никогда бы не назначил непроверенное средство кому бы то ни было, никогда бы не подверг риску жизнь и благополучие пациента!

– Как же вы собираетесь вернуть популярность аптеке? – полюбопытствовала Эва.

– Поживем – увидим, – улыбнулся Андре. – Лучшее, что можно сделать для начала – как-то пробраться в высший свет Сарагосы. Вы знаете кого-нибудь, кто мог бы в этом помочь?

В глазах Эвы вспыхнули озорные искорки, и доктор понял, что сорвиголова, которой не было и четырнадцати перед его отъездом из города, кое в чем осталась прежней.

– Вы прекрасно знаете, что я с радостью приду на помощь сеньору Манчере. Он много лет был добрым другом нашей семьи. Может быть, сестра и потеряла голову от своего возвышения, но я не забываю старых друзей.

– Я ни в коей мере не держу обиды на сеньору Маргариту. В самом деле, пристало ли хозяйке замка, матери наследника благородного рода де Фуэрте, знаться со старым аптекарем.

– По мне, она ведет себя как высокомерная выскочка. К сожалению, сейчас такое поведение – скорее правило, чем исключение. А что до их замка, – Эва сморщила нос, – отец давно

уговаривает сеньора Алехандро продать его. На содержание поместья уходит уйма денег, а ведь там даже никто не живет. Мы все ютимся в новом доме – благо, гостей в отсутствие отца не принимаем, поэтому места хватает. Между прочим, завтра состоится большой семейный ужин. Позвольте пригласить вас туда от моего имени.

– Право, будет ли удобно… – растерялся аптекарь.

– Под отцовской крышей я вольна приглашать, кого хочу. И, поверьте, даже моя зазнайка-сестрица будет рада заполучить такого необычного гостя, – женщина одарила Андре очаровательнейшей улыбкой, – А уж обойти вниманием вас, сеньор Манчера, было бы верхом невежливости.

Доктор принял приглашение старой подруги, заметив:

– Думаю, мне не следует без нужды раскрывать инкогнито. Если нравы в Сарагосе не изменились, двери приличных домов перед безродным бродягой захлопнутся навек, будь у него хоть рекомендация от Папы Римского.

– Тут вы правы, – согласилась Эва. – Я представлю вас как старого друга сеньора Манчеры. Ведь вы оба занимаетесь медициной – значит, могли вести переписку…

– Да, так будет лучше всего.

– Назовитесь уроженцем Брюсселя, – предложил аптекарь, – Это объяснит происхождение вашего имени и расположит к вам местных господ.

– Представиться бельгийцем я без опаски мог бы в любом другом городе, но, боюсь, в Сарагосе слишком много знают об этой провинции, – покачал головой Андре. – Не буду усложнять: если будут задавать вопросы, скажу, что я арагонец по матери, а сам родом из Наварры. Там смешанные браки никого не удивляют.

– Отлично! Значит, увидимся завтра вечером, – Эва поднялась, и за ее спиной тут же выросла Изабелла с высушенным плащом наготове. – Получше обдумайте историю, которую преподнесете моим родным за ужином. Я, конечно, постараюсь не подавать виду, будто что-то не так, но вы ведь знаете мой смешливый характер. До завтра!

Сеньора де Карденас направилась к выходу. Манчера, всплеснув руками, бросился к аптекарскому столу и вручил гостье пузырек с нюхательной солью, который и был целью позднего визита. Она поблагодарила хозяина и сделала прощальный реверанс.

Заперев за гостями вход, Фернандо прошествовал к чулану, где обычно ночевал. Лу с разрешения хозяина поднялся в спальню.

Между прочим, подумалось доктору, еще год-другой, и парня можно будет представлять не слугой, а помощником или даже учеником. Правда, над манерами придется поработать, и одежда потребуется поприличнее. Куртки и штаны на слуге рвались с завидной регулярностью, и выглядел он оттого весьма неряшливо. Что возьмешь с семнадцатилетнего мальчишки! Единственным, к чему невозможно было придраться в наряде Лу, были башмаки. За ними парень ухаживал со всей старательностью, очевидно, в память о тяжелых днях, проведенных у прежнего хозяина.

Старый Греньи, смерть которого удивительным образом свела слугу с новым господином, отличался скверным характером и любовью к чистым сапогам. Именно надраиванием обуви в основном и занимался Лу, находясь в услужении старого купца. И еще тасканием тяжестей – его наняли только за богатырскую и несколько свирепую внешность. Огромный рост и сила парня привлекали внимание разных людей, добрых и не очень. При знакомстве с Андре он был совершенно неотесан и невежествен, однако за прошедшие с тех пор месяцы сделал немалые успехи в своем образовании.

Доктор присел к столу напротив притихшего Манчеры, налил себе еще вина и спросил, понизив голос:

– Значит, Эва вышла замуж за одного из семейства де Карденас?

– Младший сын, – кивнул аптекарь. – Они совсем было разорились, этот брак принес немалую выгоду обеим сторонам.

– А сеньор Себастьян даром времени не терял, верно?

– Это не в его духе. Обе дочери вышли замуж за дворян. Впрочем, брак сеньоры Эвы не назовешь счастливым… А вот ее сестра вполне довольна: супруг обладает и титулом, и замком, их мальчик унаследует богатства одного деда и привилегии другого.

– Что ж, старик может со спокойной совестью уходить на покой.

– Едва ли мы этого дождемся. Себастьян Рейес всегда у руля, невзирая на возраст. Недавно его младший брат Оскар вернулся домой – жизнь на севере совсем подорвала его здоровье… а старшему годы нипочем, – аптекарь отпил разбавленного вина и вздохнул. – Любой позавидовал бы такому здоровью и жизненной силе.

– Как случилось, что три поколения живут вместе?

– Сеньор Себастьян построил отличный дом неподалеку от Собора Спасителя, – пояснил Манчера. – Старшей дочери не понравилось жить в поместье, они с мужем вернулись в город примерно через год после свадьбы. Дела супруга сеньоры Эвы совсем расстроены. Сейчас он за океаном, а бедняжка перебралась к отцу. Думаю, сам Рейес и его дочери вполне довольны таким положением, а вот насчет их мужей не берусь судить.

– Чужая душа – потемки… Пожалуй, лучше нам пойти спать, – заметил доктор, взглянув за окно. – К завтрашнему вечеру нужно быть бодрыми, чтобы за ужином держать ухо востро.

Они погасили все свечи и поднялись по лестнице, каждая ступенька которой отзывалась знакомым скрипом. Пожелав Манчере спокойной ночи, доктор вошел в свою старую спаленку. Неразобранные сумки стояли в углу, на столе у окошка мерцала лампа. Одна кровать пустовала, на второй посапывал Лу. Великану пришлось поджать ноги, чтобы уместиться на коротком тюфяке. Ничего удивительного: этот дом никогда не видел учеников такого роста.

Глава третья

Посреди изнывающего от жары города, в одной из спален богатого дома благообразный сеньор сидел в кресле у огня. Он постоянно мерз: жестокие зимы Амстердама, жизнь в окружении чужих людей выстудили тело и душу. От холода не спасали самые теплые и роскошные одежды. Даже ступив на родную землю, он не мог отогреться, а стены нового дома казались холодными и враждебными.

Непривычно темнокожие служанки, которым приходилось в разгар лета растапливать камин, плохо скрывали недовольство новым жильцом. Он отвечал на их косые взгляды снисходительной ухмылкой. В конце концов, чего можно ожидать от вчерашних язычниц, души которых черны, как и тела? Им, конечно, приятнее прислуживать какому-нибудь молодому красавцу, чем копаться в золе возле старика.

Когда же он начал дряхлеть? Пожалуй, с самого рождения. К тридцати годам страдал изжогой, после сорока округлился живот, потом появилась одышка – и вот окончательно превратился в развалину. Едва одолел полвека, а силы на исходе. Волосы на голове исчезли, не успев поседеть, зато борода была его гордостью и придавала благородства уставшему, покрытому морщинами лицу.

За дверью послышались легкие шаги. Раздался стук, и через секунду в комнату вошла Эва.

– Как вы себя чувствуете, дядя?

– Неплохо, девочка, совсем неплохо.

– Вы будете сегодня ужинать со всеми? – она подошла ближе. – Помните, что мы ждем гостей?

– Да-да, тот аптекарь и его удивительный друг. Я не настолько одряхлел, чтобы забывать услышанное… тем более столько раз, – он шутливо погрозил ей пальцем.

Эва рассмеялась и поправила плед на коленях старика. Ей нравилось ухаживать за дядей, а он с удовольствием принимал эту заботу. Приятно было вновь, как когда-то, оказаться в окружении любящей семьи. Ничто так не согревает, как тепло женских рук.

– Гости вот-вот должны прийти. На стол уже накрывают, а в гостиной развели огонь – вы сможете посидеть у камина, если замерзнете.

– В таком случае я подожду там.

Он бросил красноречивый взгляд на палку для ходьбы, с которой не расставался с тех пор, как приехал. Эва все поняла мгновенно.

– Прекрасно, сейчас позову Брама – он вам поможет. А пока извините, у меня дела: нужно проследить, чтобы стол накрыли как следует.

Она выскользнула из комнаты. Через закрытую дверь старик услышал, как Эва приказала Изабелле найти его слугу. Юркая чернокожая девица прислуживала только собственной госпоже и никогда не разжигала огня в этой комнате, но относилась к нему не лучше других. Нарочно оставалась за дверью, чтобы не мозолить глаза любимому дяде хозяйки.

Старик тоже любил Эву: о такой племяннице можно только мечтать. Счастливчик этот ее муж. И редкий идиот, должно быть, – бросить такую красавицу, чтобы махнуть за океан в поисках богатств. Столько лет жил за счет тестя, в ус не дул, как вдруг… Все-таки эти идальго неисправимы, как и все дворянское сословие: гордыня на пустом месте и ничего больше.

Несколько угрюмых минут спустя дверь открылась, и в комнату вошел Брам – здоровенный, как морж, и настолько же тупой слуга-голландец. Живое напоминание об Амстердаме. На круглой голове топорщилась щетина, ручищи свешивались чуть ли не до колен, пальцы были скрючены от постоянного ношения тяжестей. Только на это он и годился: с юных лет таскал

тюки в доках, лишь потом нашел теплое местечко на службе у Рейесов. А если учесть, что места теплее Сарагосы не найти, чурбан выгадал вдвойне.

Старик невольно усмехнулся этой мысли, и слуга бросил на него настороженный взгляд.

– Просто помоги мне дойти до гостиной и можешь дрыхнуть дальше.

С Брамом приходилось говорить на голландском: к языкам он оказался совершенно не способен, да и желания изучать что-то новое отродясь не выказывал. Приходилось мириться с его невежеством и тешиться мыслью, что это не навсегда. Рано или поздно его место займет другой слуга; скорее всего, какой-нибудь раб. Старик не слишком доверял им: когда он покидал родные земли, черные невольники были редкостью, а теперь встречались на каждом шагу. Возможно, удача улыбнется и найдется хороший слуга среди местных. Какой-нибудь сообразительный мальчишка из бедных кварталов. То-то было бы славно.

Он поднялся с кресла, голландец подхватил палку, без особой охоты подставил плечо, и они бок о бок побрели в гостиную. Благо, путь был недалек. Старик занимал одну из гостевых спален на первом этаже: подниматься по лестнице наверх, где располагались хозяйские покои, для него оказалось слишком тяжело. Да и вообще внизу было спокойнее. Правда, из-за живущей в соседней комнате старшей племянницы в последнее время стало слишком шумно.

С самого утра к Маргарите приходила Эва, и они проводили за разговорами несколько часов, днем то и дело забегал сын, этот несносный мальчишка, а пожелать ей доброй ночи считал своим долгом каждый обитатель дома. Кроме того, сеньора де Фуэрте отличалась капризным нравом, который только усугубился в связи с ее интересным положением, и беспрестанно вызывала к себе служанок с самыми абсурдными просьбами.

Словом, жизнь здесь нельзя было назвать приятной. Даже в большом доме бывает трудно найти спокойный уголок, тем более если он полон нахлебников.

Брам довел хозяина до гостиной, помог опуститься в кресло и удалился, зевая во весь рот. Старик с отвращением поглядел ему вслед, после чего протянул руки к огню в большом камине и нахохлился.

Из столовой доносились голоса слуг, накрывающих стол к ужину. Оттуда долетали вкусные запахи, но старик никогда не был чревоугодником, и предвкушение богатой трапезы ничуть не взволновало его. Несколько раз мимо пробежала Эва, неизменно улыбаясь и осведомляясь о благополучии дяди. Он благодушно кивал ей и лишь однажды попросил плед, чтобы набросить на озябшие колени. К чему добавлять девочке хлопот, да и не настолько он одряхлел, как могло показаться со стороны.

Слуги закончили накрывать на стол, когда гостиная уже начала погружаться во мрак, но свечи еще не зажгли. Убедившись, что в столовой никого не осталось, старик поднялся на ноги и, стуча палкой по полу, побрел к столу. Встречать незнакомых гостей и расшаркиваться с ними в дверях совсем не хотелось.

Он сел на ставшее привычным место во главе длинного стола, накрытого вышитой скатертью и уставленного блюдами с разной снедью. Стул напротив, который обычно занимал хозяин дома, пустовал. Старик неодобрительно оглядел гору еды, которой хватило бы на добрую команду матросов, но заслышав приближающиеся шаги, напустил на себя смиренный вид.

Его усилия пропали даром: в столовой появился Лоренсо. Младший брат супруга Маргариты фактически поселился в доме с незапамятных пор. Он занимал какую-то мелкую должность при дворе вице-короля и днем обычно ошивался во дворце, однако к ужину являлся без опозданий. Рейесы всегда славились гостеприимством, и порой эту похвальную традицию использовали против них.

Молодой повеса вошел через дверь, ведущую к кухне и помещениям для слуг. Наверняка миловался там с какой-нибудь из кухарок. Младший из братьев де Фуэрте не отличался особой щепетильностью, невзирая на высокое происхождение.

– Добрый вечер, сеньор Оскар. Сдается мне, за ужином у нас сегодня соберется отличная компания!

Старик поджал губы и не соизволил ответить юнцу – тот, впрочем, тут же забыл о собеседнике. Лоренсо с шумом уселся за стол, ухватил из вазы пригоршню сладостей и потянулся за вином.

Через минуту в гостиной послышались голоса, и в дверях появилась сеньора де Фуэрте в сопровождении супруга. Она величаво вплыла в комнату, неся огромный живот впереди себя, и мимоходом кивнула дяде. Он улыбнулся в ответ, хотя внутренне не одобрял поведения Маргариты. В ее-то возрасте не пристало так выставлять напоказ свою беременность и заставлять всех скакать вокруг себя. В отсутствие отца она стала фактической хозяйкой дома, оттеснив на второй план младшую сестру. Впрочем, та как будто не жаловалась.

Сеньор Алехандро, осторожно поддерживая супругу под локоть, помог ей усесться и занял место рядом. Он как-то терялся в тени жены. Может быть, его предки и были основателями королевств, но сейчас мир принадлежал таким, как Себастьян Рейес: богатым, сильным, безжалостным. Старик не без удовлетворения отметил про себя, как ему повезло оказаться среди тех, кто сейчас на коне.

Следом за супругами де Фуэрте в столовую вошла Эва, которую сопровождали двое незнакомцев. Один помоложе, лет тридцати пяти, невысокий и смуглый, с ног до головы одетый в черное, второй – старая развалина весьма жалкого вида. С первого взгляда ясно: аптекарь. Он робко озирался по сторонам, тогда как коротышка в черном держался вполне свободно. Очевидно, успел побывать во многих богатых домах и привык к роскошной обстановке.

– Вы уже за столом! – воскликнула Эва. – Позвольте представить вам сеньора Манчеру и его друга, доктора Эрмите, – она обернулась к гостям и продолжила, обращаясь в основном к доктору: – Моя сестра Маргарита…

– Сеньора Маргарита де Фуэрте, – с непроницаемым лицом проговорила та.

– Действительно, дорогая… Это ее муж, сеньор Алехандро де Фуэрте… Лоренсо де Фуэрте, его младший брат… А это наш дядя Оскар.

Когда необходимые правила любезности были соблюдены, все расселись и приступили к трапезе. Слуги одно за другим вносили в столовую горячие блюда. Свободного места на столе скоро не осталось, а скатерть покрылась пятнами от жирных соусов и вина.

Беседа поначалу не клеилась, каждый был занят содержимым своей тарелки. Маргарита держалась высокомерно и почти не притронулась к пище, хотя муж угодливо предлагал ей лучшие куски. Младший де Фуэрте налегал на вино: привык к обильным возлияниям при дворе. Аптекарь откровенно стеснялся, а его приятель, похоже, был от природы осторожен и знал, когда лучше помалкивать.

Между тем его необычный род занятий, о котором вкратце обмолвилась Эва, вызвал неподдельное любопытство у присутствующих. Даже Маргарита на секунду утратила бдительность и бросила на гостя заинтересованный взгляд. Однако задавать удивительному доктору вопросы никто не решался.

Единственной, кто старался сделать этот вечер приятным, в который раз оказалась Эва. Она ненавязчиво ухаживала за сидевшим рядом дядей, улыбалась каждому, с кем пересекалась взглядом, и время от времени пыталась завести разговор. Все это получалось естественно и ни у кого не вызывало чувства неловкости.

– Вам нравится Сарагоса? – наконец обратилась она к доктору.

– Потрясающий город. Очень рад, что судьба привела меня сюда.

– А как вы познакомились с сеньором Манчерой?

– Мне не раз приходилось сталкиваться с отравлениями, требовались консультации специалиста по ядовитым растениям. Мы начали переписку, которая переросла в теплую дружбу.

– Я пригласил доктора Эрмите в гости, из последнего послания узнав, что он находится в наших краях, – вмешался Манчера. – Как бы я ни любил эпистолярный жанр, должен признать: личное знакомство позволяет узнать человека намного лучше.

Лоренсо поставил на скатерть опустевший бокал, дал знак слуге наполнить его и обернулся к доктору:

– Неужели кто-то предпочитает избавляться от недругов с помощью яда? По мне, ничего лучше острого клинка пока не придумали.

– Отравление – довольно удобный способ убить человека. Не всякий умело обращается с оружием, кто-то вовсе не переносит вида крови. А уж если преступница – женщина, она почти наверняка выберет яд.

– Женщина? – с сомнением переспросил сеньор Алехандро. – Неужели эти прекрасные слабые существа способны убивать? Мне всегда казалось, что господь замышлял для них другое предназначение.

– Боюсь, род людской нередко разочаровывает создателя. Во всяком случае, так говорит мой опыт.

За столом снова воцарилась тишина. Сеньор Алехандро нахмурился, разглядывая гостя.

– Смелая мысль… А как церковь относится к вашей работе?

– Весьма одобрительно. Инквизитор из Кавайона, брат Бартоломью – довольно известная личность по ту сторону Пиреней – удостоил вашего покорного слугу личной рекомендации.

– Неужели?

В голосе дворянина явственно звучало недоверие. Доктор невозмутимо извлек из внутреннего кармана аккуратно сложенную бумагу.

– Может быть, вы хотите взглянуть?

Сеньор Алехандро протянул руку, но гость на мгновение замешкался…

– Как-то не подумал… рекомендация на родном языке монаха…

– Я неплохо читаю по-французски.

Все головы повернулись к до сих пор молчавшему старику. Он улыбнулся.

– Сколько же вы знаете языков, дядя? – восхищенно спросила Эва.

– В торговле много с кем приходится иметь дело. И потом, чем еще заниматься на чужбине…

– Просто удивительно, – покачала она головой, передавая документ. – Я даже на проповедях половины не понимаю. Вот Маргарита все схватывает на лету, она всегда развлекает беседой гостей отца из других стран, да и отец обычно обходится без переводчика. А я бы на чужбине сошла с ума от одиночества.

Получив бумагу, он некоторое время изучал убористый почерк инквизитора. Грамотный возвышенный язык, а также завершающие рекомендацию подпись и печать не вызвали сомнений. Брат Бартоломью Кавайонский и вправду не пожалел красноречия, чтобы восхвалить способности доктора Эрмите и поручиться за его преданность и верную службу церкви.

Над столом повисла тишина – все ждали вердикта от старшего члена семьи. Он же не спешил, про себя наслаждаясь таким вниманием. Лоренсо принялся барабанить пальцами по скатерти, а Маргарита нетерпеливо кашлянула.

– Что ж, все верно, – старик поднял голову. – Рекомендация самого высокого уровня, если можно так выразиться.

Сеньор Алехандро повернулся к гостю и смущенно пробормотал:

– В таком случае примите мои извинения, доктор. Разумеется, у меня и в мыслях не было обвинить вас в… эээ…

– В том, что вы – самозванец и аферист, – закончила за него жена.

– Стало быть, только мне показалось, что мой любезный братец это сделал, – фыркнул младший де Фуэрте.

Доктор и бровью не повел. Сеньор Оскар между тем вернул бумагу и с улыбкой сказал:

– У меня в голове не укладывается: неужто преступления стали настолько изощренными, что таким занятием возможно заработать на хлеб?

– Разве что в глухих провинциях, – предположил Лоренсо, – Люди с ума там сходят от скуки, для развлечения душат и травят друг друга, а трупы прячут в сырых подвалах. В Сарагосе загадочных убийств я что-то не припомню.

– Действительно! У нас имя преступника известно с самого начала, – поддержал брата старший де Фуэрте.

– Рано или поздно каждый получает по заслугам, – холодно обронила его супруга. – Вообще это ужасная тема для разговора, тем более за ужином.

– Я все-таки не понимаю, – не унимался Лоренсо, – неужели такая редкая профессия приносит больше дохода, чем медицинская практика?

– Расследовать преступления мне удается лучше. По правде говоря, гораздо приятнее иметь дело со смертью, когда знаешь, что она произошла не по твоей вине.

Аптекарь вздохнул. Молодой де Фуэрте рассмеялся в голос. Даже Эва наклонилась над столом, чтобы скрыть улыбку. Обстановка разрядилась, по крайней мере, тягостное молчание, висевшее над роскошным столом, развеялось, и беседа потекла рекой. Остаток вечера прошел вполне пристойно, если не считать того, что гости явно не спешили уходить.

Решив подать им пример, старик первым поднялся из-за стола. Пока он прощался с остальными, в столовую вошел Брам, ожидавший в холле, когда придет время проводить хозяина в спальню. Едва они вышли, разговор за столом возобновился с новой силой. Прислушиваясь к молодым голосам, старик нахмурился и пробормотал:

– Полный дом дармоедов.

– А? – непонимающе обернулся к нему Брам.

– Сбавь шаг, – ответил старик по-голландски, – и не дергай так руку. Камин в спальне горит?

– Черная девка приходила, я не заглядывал, чего она там копошится. Должно быть, горит.

– За всем следить надо; шкуру спущу, если погас.

– Ага, – зевнул слуга.

Ему повезло – огонь еще горел. Брам подбросил в камин еще пару поленьев, вполуха слушая хозяина, сидевшего в кресле. Возражал он на удивление мало, чем вызвал только большее раздражение. Кое-как усвоив, что от него требуется, помог хозяину разуться и побрел было к двери. В широкую спину тут же полетел сапог. Верзила обернулся, тупо моргая сонными глазами.

– К утру начистишь. И к вину даже не притрагивайся.

Брам кивнул, подобрал с пола сапоги и вышел. Старик в одних чулках подошел к камину, зябко потер ладони и пробормотал: глядя на огонь:

– Полный дом…

Глава четвёртая

Покинув дом Рейеса, гости испытали некоторое облегчение. За этим роскошным столом, в компании знатных господ оба чувствовали себя не в своей тарелке. Андре еще неплохо держался, а Манчера едва стоял на ногах – настолько сильным оказалось нервное напряжение.

На противоположной стороне улицы стоял высокий человек в довольно потрепанной одежде. Едва завидев выходящих из ворот доктора с аптекарем, он повернулся и пошел прочь. Лицо разглядеть не удалось из-за широкополой шляпы, но фигура и даже походка неизвестного показались Андре знакомыми. Мысленно улыбнувшись, доктор взял утомленного наставника под руку и медленно повел восвояси. Три или четыре квартала остались позади, когда память наконец смилостивилась и подсказала ему имя:

– Фелипе Рамос!

– Что? – очнулся от дум старый аптекарь.

– Не помните? Сын лавочника, который жил на вашей улице.

– С чего вам пришел на ум этот несчастный?

– Несчастный? Двадцать лет назад его отец как будто процветал…

– Теперь все иначе: семья давно разорилась. Фелипе осиротел, долго скитался, а теперь живет чуть ли не в трущобах и перебивается случайной работой.

– Ничего себе. Готов поклясться, что сейчас видел его напротив дома Рейеса.

– В такой поздний час, посреди богатого квартала? – Манчера покачал головой. – Надеюсь, глаза вас обманули. Если это и вправду был Фелипе, то беды не миновать. Раньше он был славным парнем, но теперь ступил на скользкую дорожку. Сойти с нее ой как трудно, вам ли не знать.

Андре пожал плечами и сказал:

– Мне не показалось, что он замышляет что-то недоброе. Может быть, надеется получить помощь от старых друзей?

– Помнится, они с Маргаритой были достаточно близки, – после паузы отозвался аптекарь, – однако не представляю, чтобы теперешняя сеньора де Фуэрте хотя бы посмотрела в сторону бедняка.

– Гордыни у нее и вправду хватит на десяток герцогинь… Мне показалось, что даже супруга, который подарил ей дворянский титул, Маргарита держит в строгости.

– Пожалуй. Она многое переняла от отца, а Себастьян Рейес без особого трепета относится к регалиям зятьев. Оба прекрасно знают, чем обязаны тестю.

– Стало быть, в отсутствие хозяина обязанность напоминать им об этом взяла на себя старшая дочь? – улыбнулся Андре. – Неудивительно, что муж Эвы сбежал в Новый Свет.

– Санчо де Карденас – весьма самолюбивый молодой человек. В доме тестя ему бы пришлось несладко, но Эва перебралась туда уже после отъезда мужа.

– Зачем? Я не заметил серьезной привязанности между сестрами; неужели взрослой женщине не было бы приятнее жить своим домом?

– Полагаю, все упиралось в деньги. Путешествие через океан потребовало немалых средств. Содержать компаньонку и слуг она себе позволить не могла, а жить под отцовской крышей и приличнее, и экономнее.

– А этот почтенный старец… сеньор Оскар – откуда он вообще взялся? Я как будто не помню, чтобы у Себастьяна Рейеса был брат.

– Его отправили на север еще до того, как вы поселились у меня. С этим связана весьма скандальная история.

– В которой наверняка замешана дама?

– Можете даже не сомневаться! – воодушевленно подхватил аптекарь. – Сейчас трудно поверить, но тридцать лет тому назад это был весьма привлекательный и легкомысленный юноша. Он соблазнил девицу, которую собирались отдать в монахини. Отец несчастной поклялся, что прикончит мерзавца. Однако Себастьян Рейес этого не мог допустить. Он спешно отправил брата в Амстердам якобы по торговым делам – об этом весь квартал судачил добрых полгода.

– Должно быть, девица оказалась из благородных?

– Представьте, нет. Ее отец был обычным работягой… возможно, чуть более богобоязненным, чем это принято в данном сословии.

– Неужели гнев простолюдина мог всерьез напугать сеньора Оскара? Такая влиятельная семья…

– Детские воспоминания вас подводят, мой друг. Это сейчас он – брат самого Себастьяна Рейеса, одного из богатейших людей Сарагосы, а тридцать лет назад был всего лишь молодым приказчиком у не самого преуспевающего купца. За время, минувшее с тех пор, многое изменилось.

Они подошли к аптеке Манчеры. Фернандо открыл дверь, едва заслышав стук. Андре сбросил шляпу на прилавок и заметил:

– Однако сеньор Оскар и сейчас довольно бодр, несмотря на дряхлую наружность. В его возрасте не всякий бы отважился на столь трудное путешествие в компании этого увальня… честно говоря, его слуга не произвел на меня приятного впечатления.

– Из Амстердама он выехал вместе со старым секретарем. Тот скончался, едва ступив на родную землю – лихорадка. Бедняга, – вздохнул Манчера, – случись это в Сарагосе, уверен, я поставил бы его на ноги и обрел превосходного клиента в лице сеньора Оскара.

– Да он и сам, кажется, не отличается крепким здоровьем?

– Вы сами видели: слаб, малоподвижен, с плохим аппетитом. Мечта, а не пациент.

– Может статься, сеньор Оскар еще не совсем для вас потерян. Он явно благоволит к младшей племяннице и в случае недуга наверняка прислушается к ее советам в выборе лекаря.

– Вашими бы устами… – улыбнулся аптекарь, подходя к лестнице и берясь рукой за перила. – Однако мы припозднились. Как правило, я не отказываю себе в удовольствии выпить стакан вина на сон грядущий, но, кажется, сегодня это будет лишним.

– Вы правы. Вечер был утомительным, а угощать в доме Рейеса всегда умели.

Они друг за другом начали подниматься по ступенькам. С лица Манчеры не сходила улыбка.

– Я успел позабыть об этих благословенных временах. Сколько приятных вечеров мы провели в гостях у сеньора Себастьяна. Вы с малюткой Эвой носились по всему дому, лишь изредка появляясь, чтобы стащить что-нибудь вкусное со стола. Маргарита уже тогда держалась как взрослая и сторонилась детских игр. Просто не верится, что все это было на самом деле.

– Мне тоже, – Андре остановился у двери в свою спальню и поклонился старому приятелю. – Все же, смею надеяться, у каждого из нас впереди еще немало добрых дней.

– Как же мне не хватало вашего оптимизма все эти годы, мой дорогой друг, – растроганно ответил Манчера.

Доктор вошел в спальню, бесшумно прикрыв дверь. Мимо спящего Лу он прокрался к собственной кровати, разделся, повесив одежду на стул, после задул свечу и вытянулся поверх одеяла. За окном темнело ночное небо, воздух был свеж, насколько это возможно летом в Сарагосе, однако сон не шел.

Этот ужин ни капли не был похож на те, о которых старый аптекарь только что вспоминал с таким теплом. Дом, в котором они с Манчерой провели этот вечер, не был гостеприимным. Люди в нем держались напряженно, даже враждебно друг к другу, несмотря на родство. Старый

дядюшка волком смотрел на всех, кроме младшей племянницы, Маргарита была холодна и резка даже с супругом, а молодой Лоренсо проявлял интерес разве что к винному кувшину.

Больше остальных мысли Андре занимала Эва. Еще накануне он успел рассмотреть, как сильно изменилась эта девочка за минувшие годы, но за ужином увидел настоящую светскую даму, полную достоинства и изящества, невероятно притягательную и красивую. Какой идиот мог пренебречь этим сокровищем, пусть даже ради всего золота Америки?

Разумеется, десять лет бездетного брака не могли не оставить следа в отношениях между супругами… Доктор не раз встречал пары, которые охладевали друг к другу, погрязали во взаимных обвинениях, обзаводились любовниками. Представить Эву в объятиях другого было невозможно, но о ее супруге Андре не знал решительно ничего.

Что этот Санчо де Карденас привезет из Нового Света? Мешок, полный серебра? Или вручит онемевшей Эве крошечного метиса, завернутого в шерстяное одеяло?

За невеселыми размышлениями доктор не заметил, как погрузился в сон. Проснулся оттого, что Лу тормошил его за плечо:

– Очнитесь, очнитесь уже!

– Какого черта? – он уселся на кровати и потер глаза. – Убили кого-нибудь?

– Тетку, у которой вы вчера ужинали.

Сон как рукой сняло. Андре вскочил и схватил слугу за ворот рубашки.

– Что? Повтори, что ты сказал!

Лу с изумлением глядел на хозяина с высоты своего роста. За все время знакомства тот впервые обратился к нему на ты. Осторожно выпростав рубашку из цепких пальцев доктора, он ответил:

– Говорю, там девица эта черная прибежала от вашей подруги. Сестру ее убили.

Андре собирался в спешке. Фернандо внизу гремел посудой, Манчера спросонок запутался в рубашке и чертыхался в соседней комнате. Насупленный Лу сидел на кровати, наблюдая за сборами хозяина. Доктор велел ему оставаться дома: помочь по хозяйству, повторить урок, принести воды… Такое распоряжение совсем не обрадовало слугу.

– Сами, значит, на мертвяков смотреть пойдете, а я с этими сиди! – протянул он.

Оставив Лу наедине с его обидами, доктор спустился вниз. Взъерошенный Фернандо поставил на стол исходящую паром джезву. Сделав первый глоток кофе из чашки, Андре почувствовал, как силы наполняют его. Решив задать несколько вопросов скучающей у дверей Изабелле, он предложил девушке стул, а сам встал напротив.

– Это было ограбление?

– Хозяева думают, что да, – бойко отозвалась она. – В городе дня не проходит, чтобы какой-нибудь в богатый дом бандиты не забрались.

– Пострадала только сеньора Маргарита?

– Еще слугу господина Оскара убили. Этого… Брама.

На кухню неторопливо вошел Лу. Увидев девушку, он нахмурился, отвернулся к очагу и принялся с нарочитой тщательностью ворошить поленья. Темнокожая красотка тихонько фыркнула. Андре продолжил расспросы:

– Их закололи кинжалом или…

Изабелла сделала неопределенный жест рукой.

– Старшую хозяйку закололи прямо в кровати, и этого здоровяка тоже, только в коридоре перед спальней. Кто-то сзади подкрался и ножик ему в самый затылок воткнул!.. Ну, так на кухне болтают – те слуги, что сбежались на шум.

– Но как же нападавшие пробрались в дом? – удивился доктор, – Разве у вас не было охраны.

– Не знаю, сеньор. Охранники у дверей по ночам дрыхнут, по правде говоря, а в коридоре только Брам и был.

Над головой заскрипели старые доски, и через минуту в кухню спустился Манчера.

– Вы еще здесь? Нужно поторопиться; до рассвета полно времени, но вам бы вернуться до того, как жара накроет город.

Изабелла вскочила и взяла лампу.

– Я проведу вас короткой дорогой, здесь на самом деле очень близко.

Девушка не обманула: весь путь до дома Рейеса отнял меньше четверти часа. Андре потерял счет безликим проулкам и подворотням, куда то и дело сворачивала не в меру юркая проводница. Изабелла отлично знала город, но совершенно не считалась с возрастом и возможностями спутника. Доктор с облегчением перевел дыхание, увидев знакомый дом – к этому времени он вовсе выбился из сил.

– С вашей прытью следует заниматься контрабандой, – выдохнул он. – Думаю, самый высокий пик Пиреней, самая запутанная тропа не станут для вас серьезной преградой на пути к цели.

Изабелла издала негромкий смешок, однако по виду было ясно, что девушка с запозданием осознала собственную оплошность. Андре ободряюще улыбнулся и спросил:

– Почему не видно городской стражи?

– Сеньор Алехандро и его брат решили, что не будут пока поднимать шума. Уж не знаю, чего они там надумали, только сеньоре Эве все это очень не понравилось

Ворота были заперты. Служанка негромко постучала: три раза дробью и после паузы – еще два. Через мгновение рослый темнокожий охранник отпер маленькую калитку, через которую они беспрепятственно попали во двор. Изабелла не останавливаясь прошла мимо парадной двери к черному ходу для слуг. Миновав кухню, полную притихших лакеев и горничных, и коридор, они оказались в знакомой столовой комнате. Остатки вчерашнего пиршества убрали, но без особой тщательности. Смятая скатерть топорщилась множеством складок и в скупом утреннем свете совсем не казалась нарядной. Десятки кривых, как зубы во рту старика, огарков торчали из подсвечников. В этом доме воск не экономили.

Проведя доктора в гостиную, Изабелла сказала:

– Подождите немного тут. Я предупрежу сеньору Эву, что вы пришли.

Глава пятая

Когда служанка скрылась за дверью, Андре прошелся по комнате. Едва ли братья де Фуэрте будут рады его приходу. Впрочем, если они решили не поднимать шума, это может сыграть ему на руку: частное расследование попросту окажется единственным приемлемым вариантом.

В гостиную быстрым шагом вошла сеньора де Карденас. Изабелла следовала за хозяйкой словно тень. По лицу Эвы было видно, что убийство сестры потрясло ее, но не выбило из колеи. Обычно эмоциональная и легкомысленная, теперь она являла собой воплощение сосредоточенности.

– Как хорошо, что вы уже здесь! В доме происходит черт знает что, – Эва оглянулась и добавила, понизив голос: – Ума не приложу, что замыслили мой деверь с его братцем. Они закрылись в спальне Маргариты и о чем-то толкуют битый час. Слуг отправили на кухню. За стражей никого не послали, вход в дом охраняется, а меня даже не хотели подпускать к телу сестры и велели сидеть возле Роберто. Мальчик спит, а я просто не знаю, что делать!

– Мы во всем разберемся, – заверил доктор, – Изабелла успела рассказать, что вашу сестру убили в собственной постели…

– Да… Меня даже не пустили туда… Не знаю, что за монстр решился на такое? Убить беременную беззащитную женщину!

– Насколько мне известно, слуга вашего дяди тоже мертв?

– Бедолагу Брама закололи прямо у моих дверей, – в гостиную, поеживаясь, вошел сеньор Оскар. – Простите за вторжение, я надеялся погреться здесь у огонька… Мой покойный слуга охранял коридор перед спальнями. Подумать только: я ведь спал в соседней комнате!..

Эва поспешила навстречу дяде. Она усадила его в кресло возле камина и велела служанке развести огонь.

– Я всегда мерзну, в Амстердаме из-за этого пришлось нелегко, – вздохнул старик, натягивая на колени тонкое одеяло, которое принесла откуда-то расторопная Изабелла прежде чем заняться очагом. – Привез этого парня с собой, оторвал от родной земли, надеясь, что он и в Арагоне хорошо послужит, да господь рассудил иначе.

– Я слышал, вашего слугу ударили ножом в затылок – значит, к нему подкрались сзади? – спросил Андре, подходя к сеньору Оскару.

– Должно быть, так. Браму было велено всю ночь ходить по коридору: он часто отлынивал от работы, да и выпить был не дурак – уж я-то его не первый год знаю.

– Вы слышали его шаги, когда засыпали?

– Да… А проснулся среди ночи – тишина. Я решил выглянуть и задать парню небольшую трепку. Открыл дверь – и вот он, лежит ничком на полу, в луже собственной крови, – старик поежился. – Я немедленно стал звать на помощь, хотя рисковал собственной жизнью: ведь грабители могли еще быть в доме.

– Слуги прибежали первыми, а когда мы спустились и увидели весь этот ужас, то не сразу поняли, что Маргарита даже не поинтересовалась, из-за чего шум, – добавила дрогнувшим голосом Эва, присевшая на невысокую скамеечку рядом с дядей. – Алехандро заглянул к ней и…

Она закрыла ладонями лицо. Сеньор Оскар положил руку на плечо племянницы.

– Каждому отпущен свой срок, – пробормотал он. – Наша Маргарита сейчас в лучшем мире, и все ее малыши рядом.

Эва резко вскинула голову.

– Не надо так говорить, дядюшка! Я слишком хорошо знала сестру: ее душа не найдет покоя, пока не будет отомщена.

– Разумеется, убийц найдут. Супруг… то есть вдовец Маргариты и его брат поклялись, что не успокоятся, пока не схватят негодяев.

– Тогда почему они не обратились к властям? Почему дом заперт? На что они рассчитывают?!

– На собственные силы, дорогая Эва, – в дверях стоял сеньор Алехандро. – Только на собственные силы. Вы знаете, что в Арагоне сегодня даже преступника, пойманного с поличным, не могут осудить как следует.

– Однако в умении вести расследование у этих бюрократов больше опыта, – заметил Андре, слегка поклонившись.

Сеньор де Фуэрте бросил на него раздосадованный взгляд.

– Полагаю, моя свояченица послала за вами… К сожалению, ваше присутствие здесь неуместно: происходящее в доме не предназначено для посторонних глаз. Я прикажу слугам отвезти вас домой, – он шагнул к двери и потянулся за шнурком от колокольчика.

– Это дом моего отца… – Эва поднялась со скамейки и встала прямо; ее глаза сверкнули недобрым огнем, – и отца Маргариты. И я действую в интересах моей семьи, требуя, чтобы это дело расследовали как подобает! Никто в Сарагосе не сделает этого лучше, чем доктор…

– Я уверен, что ваш новый приятель понимает, что это дело – глубоко семейное, – повысил голос Алехандро.

Андре поднял брови.

– С каких же пор ограбление стало считаться семейным делом?

Вдовец смерил нахала холодным взглядом и повернулся к свояченице.

– Уверяю, Эва, что испытываю те же чувства, что и вы. Я потерял жену, вы – сестру. Мы оба хотим справедливого возмездия, и я также приложу все усилия, чтобы оно настигло преступников. Безусловно, вы в своем праве. Об одном прошу: не делайте того, о чем потом пожалеете.

С этими словами он покинул гостиную.

– Сеньор де Фуэрте ведет себя весьма мужественно… в данных обстоятельствах, – первым нарушил молчание Андре.

– Если бы он почаще демонстрировал это качество при жизни Маргариты, их брак оказался бы намного счастливей.

– Вы это говорите в сердцах, милая, – ласково пожурил племянницу сеньор Оскар.

– Позвольте согласиться с вашим дядей. Сейчас нужно думать о живых, об их чувствах… иногда даже больше, чем о своих собственных, – Андре стойко вынес гневный взгляд сеньоры де Карденас. – К тому же ваш деверь развязал мне руки – по крайней мере, частично. Теперь я могу хотя бы осмотреть место происшествия. Тело убитого слуги уже убрали?

– Нет, Брам все еще там, где его настигла смерть, – ответил сеньор Оскар. – Пока братья не договорились, как лучше поступить, слуг изгнали на кухню и никаких дополнительных распоряжений не давали.

– Каковы же их планы? – полюбопытствовал Андре.

– Я ничего толком не понял. Они шушукались между собой и не особо спешили посвятить старика в свои дела. Я увидел, что там толку не будет, к тому же замерз и проголодался, поэтому пошел искать какую-нибудь сердобольную кухарку, чтобы попросить ее о завтраке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.